

дения и дополнения его материалами по вновь утвержденным ООПТ, число которых, будем надеяться, увеличится.

© П. Д. Гунин

Москва
pdgunin@mail.ru
Институт проблем экологии
и эволюции им. А. Н. Северцова РАН

Поступило в редакцию
1 августа 2014 г.

Изв. РГО. 2014. Т. 146. Вып. 5

К. М. Петров, Н. В. Терехина. Растительность России и сопредельных стран. СПб.: Химиздат, 2013. 328 с., илл.

«Растительность России и сопредельных стран» подана читателю как монографическое описание растительности Российской Федерации и ряда республик, прежде входивших в состав СССР. Монография состоит из 3 частей, 16 глав, включает введение, заключение, список литературы. Авторы указывают, что «книга предназначена для специалистов в области ботаники, ботанической географии, ландшафтоведения и др., для аспирантов, магистров и в качестве учебника для студентов, обучающихся по естественнонаучным направлениям, а также для практиков, занимающихся организацией особо охраняемых природных территорий и всех любителей природы» (с. 2).

Внимательное ознакомление с изданием, подготовленным К. М. Петровым и Н. В. Терехиной, позволяет нам утверждать, что называть его монографией не следует. По нашему мнению, это обзорная компилятивная работа, выполненная поспешно и неумело. Обсуждаемая книга, с одной стороны, несовременна и изобилует устаревшими данными (например, о «зеркальности» широтной зональности и высотной поясности, о физиологической сухости на болотах и пр.), с другой — она однобока и плохо структурирована. Оговоримся сразу: перед нами не стоит задача выявить все ошибки и неточности, приведенные в книге. Мы высказываем общее впечатление и мнение профессиональных читателей.

Нами было с удивлением обнаружено, что в «монографии» нет карты или схемы, позволяющей понять, о каких территориях идет речь в тексте книги; без такой карты остается неясным, что именно авторы имеют в виду под «сопредельными странами». В работе также не приведена карта ботанико-географического районирования растительности, поэтому, когда характеризуются единицы районирования — провинции, непонятно, каковы их границы.

Какой бы раздел книги не взять, везде находится масса ошибок, неточностей, примеров неудачной составительской работы. Чувствуется отсутствие единого и четкого плана при написании книги, а также широкого научного кругозора в области науки о растительности. При изложении материала на некоторые разделы обращено повышенное внимание, а какие-то отсутствуют вовсе. Складывается впечатление, что авторы скомпилировали материал по

принципу: «что под рукой имелось». Это же высказывание следует применить и к списку использованной литературы, который не выдерживает никакой критики. В приводимом авторами списке отсутствуют ссылки на публикации Н. И. Кузнецова, Ю. Д. Цинзерлинга, М. С. Боч, В. И. Василевича, В. В. Мазинга, Б. А. Юрцева, Ю. Н. Нешатаева, З. В. Карамышевой, Е. И. Рачковской, Б. М. Миркина, Т. К. Юрковской, Н. В. Матвеевой, А. Д. Булохова, К. О. Короткова, Г. С. Розенберга и многих других признанных ученых, внесших значительный вклад в изучение пространственной дифференциации и структуры разных типов растительности рассматриваемой территории.

Казалось бы, объемный том должен содержать богатый новый материал и множество оригинальных иллюстраций. Хотя книга и пестрит цветными фотографиями и картами и черно-белыми рисунками, зачастую не указано, откуда они заимствованы, не приводятся ссылки на первоисточники, а в случае их наличия — нет пояснения к изображениям. Многие черно-белые рисунки узнаваемы, так как уже не раз публиковались (например, рис. 2.19, 4.1, 4.2, 8.1, 8.3, 12.5, 13.25 и др.). Кроме того, у ряда картосхем отсутствуют условные знаки или легенда (рис. 6.24, 12.5, 13.58). Помещение в книгу случайным образом подобранного иллюстративного материала (фотографий, схем, диаграмм и карт) осложняет восприятие и мало что добавляет к пониманию излагаемого. Пытаясь прочесть чрезмерно мелкий шрифт, которым написан пояснительный текст к ряду изображений, задаешься вопросом: стоило ли их помещать (например, карты растительности на рис. 2.17 или 6.14)?

Глава 1 «Краткая история формирования растительного покрова» изложена предельно сжато и имеет ряд нареканий. Так, авторами отмечено, что в палеогене был жаркий климат и вечнозеленые тропические леса произрастали на территории Евразии. В качестве примеров авторы называют типично субтропические роды — магнолии, араукарии, секвойи, вечнозеленые дубы (с. 10). Позволим заметить и то, что в настоящее время нет достоверных данных, что Средиземное море полностью высыхало (с. 11). У этой гипотезы есть и сторонники и противники. И все-таки большинство ученых склоняются к тому, что полностью (!) море не высыхало никогда.

В главе 2 «Высшие таксономические единицы районирования растительности» речь идет о вопросах, касающихся высших таксономических единиц флористического и ботанико-географического районирования. Однако здесь фактически рассмотрена ареалогия (хорология). Какое отношение флористическое районирование имеет к растительному покрову — непонятно. В этой главе особенно заметна неумелая компиляция. Много пустых, ничего не значащих предложений, например: «Ареалы высших таксономических единиц, как правило, охватывают всю сушу» (с. 17) или «процесс увеличения биоразнообразия опирается на теорию монофилетической эволюции Ч. Дарвина» (там же), «географические ареалы болотных мхов» (с. 22) и др. Авторы дают определение ареала как части земной поверхности, в пределах которой встречается данный таксон (с. 17); при этом из известного классического определения исчезли всего лишь два слова «или акватории» — и вот уже у водных видов ареалов нет. А когда авторы пишут, что для проведения границ ареала надо «соединить периферийные точки линией» — это отбрасывает хорологию в очень далекое прошлое. Авторы не различают два термина: расселение и распространение (с. 18, 20 и др.). Попытка объяснения происхождения биоплярных ареалов у различных видов просто нелепа. Авторы ссылаются на очень старую гипотезу, рассказывая читателю, как «холоднолюбивые виды

севера по горным хребтам смогли преодолеть современный теплый пояс и проникнуть в высокие широты Южного полушария» (с. 27). Если и излагать эту точку зрения, то следует упомянуть и о других представлениях, которые лучше объясняют это явление, в том числе и при описании биполярных ареалов животных (а таких тоже немало, в том числе и морских). А уж их расселение невозможно объяснить переходом по горным хребтам. Откровенно неверно у авторов указано, что растения, в настоящее время распространенные в Арктике и в горах Европы, по происхождению только арктические (с. 27). Как было выяснено более полувека назад, среди них имеются различные по генезису виды: арктические и альпийские.

Глава 3 «Растительное сообщество (фитоценоз) как основная исходная единица ботанико-географического описания», которая должна быть едва ли не центральной, основополагающей для такого рода монографий, изложена сжато (всего около 10 страниц). В данной главе отсутствует, на наш взгляд, множество важных понятий. Например, замалчивается теория континуальности и дискретности растительных сообществ, практически не обсуждается теория климакса, не принимается во внимание стратегия видов и т. д. Ни разу не упомянута фамилия известного исследователя растительности С. М. Разумовского, в том числе занимавшегося вопросами биогеографии.

Отметим множество ошибок, неточностей, откровенного незнания тех или иных понятий и концепций, которые вскрываются в последующих главах книги, посвященных тому или иному типу растительности. Ниже перечислим лишь несколько таких грубых ошибок:

- испаряемость и испарение — разные характеристики, но для авторов это одно и то же (с. 83);
- лесотундра — это не тип растительности (с. 83);
- печеночники не относятся к зеленым мхам (а по новым данным этот класс мхов повысили до уровня отдела, т. е. это уже не мхи) (с. 65);
- трудно представить, что у поверхности земли температура на 20—30 °С выше, чем на уровне метеорологической будки, а если авторы не измеряли температуру, тогда необходима ссылка на первоисточник (с. 62).

Через всю работу прослеживается полное непонимание экологии многих видов растений: так, редчайший вид пухонос дернистый играет, по мнению авторов, большую роль на болотах, а типичные лесные бореальные растения майник и линнея отнесены авторами к лугово-степным видам.

Подробнее рассмотрим главу 12, посвященную растительности болот. Сразу оговоримся, что вычленив разумное из сумбурного, нелогичного и морально устаревшего текста не представляется возможным. Во вводной части главы раздела авторы утверждают, что болота преимущественно распространены от зоны тундры до зоны подтайги, что является заблуждением. Болота есть и в Индонезии, и в Тасмании, и даже в Южной Африке. Авторы выстраивают обязательный динамический ряд в формировании болот от низинных через переходную стадию к верховым, что является ошибочным и недопустимым упрощением. На этом основании в следующих за вводными словами подглавах авторами приводятся сведения главным образом о верховых болотах. Остальные типы болот, в том числе распространенные на территории сопредельных с Россией стран, не рассматриваются вовсе. Подглава 12.1 служит наглядным примером формального подхода авторов к содержанию книги. Приводимая иллюстрация грядово-мочажинного комплекса выхвачена из контекста работы Горожанкиной и Константинова (1998). В подписи к ри-

сунку отсутствует обозначение изображенных на нем древесных растений. Следует ли понимать, что воспроизводимая схема универсальна и характеризует растительность любых грядово-мочажинных комплексов, независимо от их секторной принадлежности? Текст монографии, как утверждают ее создатели, адресован специалистам, с чем никак нельзя согласиться. Достаточно процитировать только одну фразу на с. 163: «Содержащиеся в роснянке элементы минерального питания постепенно переходят в торф, способствуя повышению его плодородия»!?

Раздел 12.2 посвящен рассмотрению стадий развития болотных систем. Заметим, что авторы ставят знак равенства между болотными массивами и болотными системами. Проанализировав рисунок 12.4 («Развитие болотных массивов») и ознакомившись с текстом, читатель должен догадаться, что болота образуются двумя путями: заболачиванием суходолов и заторфовыванием водоемов. Рисунок 12.5, озаглавленный «Болотный массив, состоящий из слившихся выпуклых торфяников», на самом деле изображает хорошо изученную и описанную в литературе Ширинскую болотную систему, расположенную на границе Новгородской и Ленинградской областей. Стоило ли помещать сведения о разной степени выпуклости болот, никак не связанные в тексте с характеристикой растительности? Раздел 12.3 называется «География болот»; в нем изложено районирование болот без приведения картосхемы. Читаем следующее: «в арктических тундрах встречаются торфяники в виде четырехгранных бугров по характеру растительности близкие к современным болотам». Что представляет собой описанный феномен — остается только гадать: полигональные болота, оторфованные полигональные тундры или что-то еще? Не получив внятного представления о тундровых болотах, переходим в зону бугристых болот. Согласно сведениям авторов (с. 168), кустарничковая растительность крупных бугров, образованная багульником и голубикой, очень низкая (2—3 см), что трудно себе представить. Следом характеризуется зона аапа-болот, которая в Европейской России расположена между зонами бугристых болот и выпуклых олиготрофных. К чему авторы делают постоянный акцент на европейскую часть страны? В Сибири распространение болот этого типа имеет сходные закономерности. Зона выпуклых олиготрофных болот охарактеризована по восьми провинциям, выделенным задолго до К. М. Петрова и Н. В. Терехиной (ссылка у авторов, как обычно, отсутствует). В тексте наблюдается перевес в сторону Сахалинской и Приморской болотных провинций, которые охарактеризованы наиболее подробно, в то время как обширная Западно-Сибирская болотная провинция описана одним абзацем. Стоило поместить ссылки на общеизвестные работы болотоведов по конкретным регионам (Карелия — Е. А. Галкина, Г. А. Елина, О. Л. Кузнецов, Т. К. Юрковская; Северо-Запад России — М. С. Боч, Т. Г. Абрамова, В. Д. Лопатин; Западная Сибирь — О. Л. Лисс, Е. Д. Лапшина и т. д.).

Упоминание авторами вида *Sphagnum molluscum*, приводимого для Прибалтийской провинции, красноречиво свидетельствует об использовании устаревших источников. Таблица 12.1 содержит фотографии кустарничков верховых болот, куда включено травянистое растение шейхцерия болотная (с. 99). Вызывает недоверие и подпись к рис. 12.1: «сфагновый мох и болотная кочка — начальная стадия формирования суходольного верхового болота». На фотографии сфагновая куртина, а не кочка, а само растение слишком уж напоминает вид *Sphagnum wulfianum* — индикатор старовозрастных еловых лесов.

В разделе 12.4 перечислены антропогенные нарушения болотных экосистем. Здесь содержится, в частности, утверждение, что осушение болот превращает их в «бесплодные пустоши». Авторы когда-нибудь наблюдали подобное в таежной зоне? В тексте мы не находим упоминания о биосферной функции болот, их роли в газообмене, аккумуляции углерода, выделении метана. Болота служат своеобразным хранилищем данных о голоценовой истории, местообитаниями редких и охраняемых видов биоты, о чем также не упомянуто.

Отдельно следует отметить плохой русский язык книги. Нередкое использование уменьшительных суффиксов в словах («лесок», «стебелек», «островок», «сосенка» и т. п.) делает язык убогим, схожим с не самыми лучшими публикациями для малолетних детей. В качестве примера можно привести такой пассаж: «Погрузим руку в толщу сфагнома. Рука свободно уходит в мох. Раздвинув куртину, видим, что стебельки мха внизу теряют свою индивидуальность, все сливается в сплошную коричневую массу полурасложившихся частей болотных растений — это торф. Почвы в обычном понимании здесь нет. Все растения укореняются или в еще живом сфагнуме или в торфе» (с. 162).

Неудачен и неверен термин «живой растительный покров». Разве где-то есть «мертвый растительный покров»? Сходство то ли с детским лепетом, то ли с научно-популярной литературой самого низкого уровня добавляют едва ли не на каждой странице некие «красочные» описания природы. Многие иллюстрации, приведенные в книге, кажутся зачастую заимствованными из учебника ботаники для 5-го класса. Например, «плоды и семена, распространяемые ветром» (с. 19) и т. п.

Поверхностное и краткое (а зачастую и невразумительное) изложение многих непростых научных концепций, точек зрения («кайнозой — эра новой жизни», дискуссия о современном потеплении климата, стратегия зеленой экономики т. п.) может привести к тому, что у читателей сложится обманчивое, примитивное, отрывочное представление об этих феноменах. Вызывает недоумение отсутствие какого-либо научного рецензирования работы, хотя у книг такого уровня рецензентов должно быть как минимум два.

Подводя итог сказанному, приходится констатировать, что ничего нового в науке и профессиональном образовании эта книга не добавляет, а только лишь отягощает информационное пространство. Университетские монографии, да и университетские учебники всегда отличались тем, что их писали специалисты, освещавшие в своих трудах именно те проблемы, которые сами детально изучали. В данном случае — пример противоположный. В целом книга — большая неудача авторов. Разумеется, ее ни в коем случае нельзя рекомендовать в качестве учебника. Никакой переработке эта «монография» не поддается и не подлежит.

© В. А. Бубырева, О. В. Галанина

Санкт-Петербург
bubyreva@mail.ru
Санкт-Петербургский государственный университет

Поступило в редакцию
23 июня 2014 г.